

2011.02.007. СТИВЕРС Р. НАШ «ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР» СЕГОДНЯ.

STIVERS R. Our brave new world today // Bulletin of science, technology & society. – 2010. – Vol. 30, N 4. – P. 247–251. – DOI:10.1177/02704676110373820. – Mode of access: <http://bst.sagepub.com/content/30/4/247>

Ключевые слова: О. Хаксли; Дж. Оруэлл; политический тоталитаризм; технологический тоталитаризм; ненаправленное развитие; тоталитаризм процедуры, процесса, развития; информационное общество.

Автор – сотрудник факультета социологии и антропологии в Университете штата Иллинойс (США) – считает, что опубликованный в 1946 г. роман О. Хаксли «Дивный новый мир» хорошо описывает мировое общество, каким оно сложилось в 90-х годах XX – начале XXI в., – общество «технологического тоталитаризма».

В 1940-х годах, пишет автор, мир узнал о двух наиболее важных книгах XX столетия – книге О. Хаксли «Дивный новый мир» и книге Дж. Оруэлла «1984». Оба произведения заслуживают того, чтобы поставить их не только высоко, но и вместе, поскольку они вскрывают фундаментальность тоталитаризма в общественной жизни, хотя по сути разного – политического тоталитаризма (Оруэлл) и технологического тоталитаризма (Хаксли). Дж. Оруэлл видел мир 1984 г. политически тоталитарным, и в этом странно пессимистическом предвидении важным является слово «тоталитаризм», а не слово «политический». Ключ к пониманию этого странного пессимизма Дж. Оруэлла дает О. Хаксли, который подсказывает идею «безобидного» – неполитического – тоталитаризма, коренящегося, следовательно, в фундаменте общественной жизни. Возможно, социальная фундаментальность тоталитаризма объясняет существование такой вырожденной (асоциальной) его формы, как политический тоталитаризм. О. Хаксли угадал фундаментально тоталитарный характер общества в технологическом феномене – действительно фундаментальном строителе, установившем тоталитарный порядок развития как вечного технологического обновления. Технологический тоталитаризм проектирует постмодернистское, «ненаправленное» общество, поскольку он, в отличие от политического тоталитаризма, нейтрален по отношению к любым целям, любым

векторам. Он утверждает в обществе абсолютное господство процедуры, процесса над результатами, продуктами.

Важный момент состоит в том, что политический тоталитаризм и тоталитаризм процедуры, процесса, развития взаимно антагонистичны, не уживаются друг с другом. Отсутствие политического тоталитаризма означает, что в обществе существует в тех или иных формах демократический порядок, и чем больше демократии, тем благоприятнее условия для захвата общества технологическим тоталитаризмом. Информационное общество, выстраиваемое с 1990-х годов компьютерными информационно-коммуникационными технологиями, – антагонист политического тоталитаризма. Поэтому реализовался сценарий не Дж. Оруэлла, а О. Хаксли: наступила эра «дивного нового мира», технологического тоталитаризма.

Что конкретно означает технологический тоталитаризм информационного общества? Технологическое развитие обеспечивается научным развитием, и, значит, торжество технологического тоталитаризма – это торжество научного тоталитаризма. Это – установление «ненаправленной» наукой (не имеющей цели в виде «последних истин») постмодернистского порядка в обществе. Действительно, в информационном обществе постмодернистский порядок господства процесса, процедуры над результатами получает преимущество уже потому, что создаются условия информационной демократии, а наилучшим образом отвечает таким условиям наука, которая приобретает в информационном обществе беспрецедентный вес. Но что такое наука? Она движется от проблемы к проблеме, а в пределах каждой проблемы – от знания проблемы до знания решенной проблемы. Таким образом, знание растет. Однако этот рост ни приближает к истине, ни отдаляет от нее, поскольку невозможно доказать, что очередная решенная проблема есть достигнутая истина. Истина оказывается пустым понятием, просто условным термином, не более того. Наука – воплощение человеческой рациональности, и можно сказать, что человек «программирует» науку точно так же, как он программирует компьютер. Поэтому человек, спрашивающий науку, что есть истина, не получит ответа – он спрашивает самого себя.

Другое дело, что человек не может не задаваться таким вопросом – просто потому, что он обладает мышлением. Но «мудрец» понимает тщетность подобного вопроса, а «глупец» – нет, и

оба ведут себя в реальной жизни по-разному. «Мудрец» живет, не обольщаясь истиной, «глупец» обольщается и потому готов принять за истину то, что ему кажется истиной либо «авторитетно» подсказывается или навязывается в качестве истины. «Глупец» – необходимая, условная характеристика «массового (среднего) человека», т.е. это – характеристика подавляющего большинства общества. «Мудрец» – также условная характеристика явного меньшинства общества. Согласно такой социологии общество не только не преследует истину реально, но и в целом (за вычетом «мудрецов») обольщается фетишем истины, различными ее подменами, что лишь увеличивает дезориентацию, растерянность индивида в социуме, который и так, онтологически, «ненаправленный».

Это – картина постмодернистского общества, естественного для человека, поскольку оно (как и наука) программируется человеком, не знаящим, что есть истина. Общество в целом, как и наука (и любая человеческая деятельность), живет по законам некой «симуляции»: экзистенциальной целью, дающей смысл всему и вся, является сама процедура, сам процесс производства всевозможных «продуктов». В этом и заключается экзистенциальная истина, а «продукты» – ее простая функция.

Человек всегда строил постмодернистское общество – общество без «вещных» истин, но основанное на истине процедуры, процесса, метода. Тем не менее человек упорно ищет «вещные» истины (такова его природа), которые он никогда не найдет, поскольку ищет их, развивая процедуры «симуляции» и не отдавая себе отчета в том, что именно в них и есть истина. Поэтому изобретение компьютерных технологий явилось исторической необходимостью, в результате которой постмодернистское общество стало уже не скрытой, но актуальной реальностью.

Почему люди вообще пришли к понятию истины? Потому что по их обыденному опыту им кажется, что существуют некие «абсолюты», которые являются непреодолимыми для них факторами – именно абсолютными истинами. Один из таких «абсолютов» обыденного сознания – фактор времени. С тех пор как обыденное сознание стало историческим, бег времени представлялся ему непреложным и необратимым – направленным в будущее. Собственно, эта открывшаяся историческому сознанию «абсолютная истина» повлекла за собой и открытие другой «абсолютной истины» –

смерти. Античное неисторическое сознание не проводило разграничение между смертными людьми и бессмертными богами, таким образом рассматривая истиной не смерть, а бессмертие – не время, а безвремяе. За тысячелетия своего развития историческое сознание прочно «срослось» с понятием истины как с платоновским «родом истинно сущего бытия» – платоновской «идеей», имеющей отдельное существование и дающей жизнь своим проявлениям в виде истин вещей, состояний, отношений. Истина времени и стала «платоновской идеей» (одной из абсолютных истин) в классической парадигме исторического сознания, которая с Нового времени вылилась в классический период развития научной картины мира, в классическую парадигму науки, олицетворенную наукой Ньютона с ее абсолютными времени и пространства.

Дальнейшее развитие парадигмы исторического сознания как научной картины мира (парадигмы науки) привело к опровержению (в науке) абсолютов времени и пространства теорией А. Эйнштейна, продемонстрировавшей относительность времени и пространства. Выяснилось, что время и пространство – «множественные» истины: время оказалось зависимым от скорости масс, а пространство – от случайного распределения масс во Вселенной. Так наукой было поколеблено понятие истины уже в парадигме развитого исторического сознания, что ознаменовало переход от классического периода развития научной картины мира к неклассическому периоду – от классической парадигмы науки к неклассической парадигме.

Компьютерная коммуникация продемонстрировала уже не в науке, а непосредственно в социальной жизни не просто относительность времени и пространства, но их полное исчезновение в социальном измерении. Появилось даже специальное компьютерное понятие времени-пространства – «реальное время», обозначающее именно режим компьютерной коммуникации, происходящей вне физического времени-пространства, в виртуальном времени-пространстве. Стали различать разное время уже не только внутри физического времени, как это следует из теории А. Эйнштейна, но и в качестве разных модусов времени – физического времени, биологического времени, виртуального времени, социального времени.

Открытие разных модусов времени было равносильно признанию того, что понятие времени – условное понятие, что «платоновской идеи» времени-пространства не существует даже в виде

относительной истины (в рамках теории А. Эйнштейна). Особенно интересным оказалось социальное время, связанное со статистическим характером социальной системы. В статистических системах процессы обратимы, и потому время в таких системах приобретает невероятную характеристику обратимости. Это и делает общество в принципе ненаправленной системой, постмодернистским социумом, в котором все пути, даже противоположные друг другу, – правильные, в смысле – равноправные.

В чем состоит тоталитаризм современного – ненаправленного – общества? В том, что общественная жизнь в принципе основана на технологическом развитии, а оно не поддается корректировке: полученные технологические результаты уже невозможно исправить, они начинают жить автономной от общества жизнью, оказывая на общество влияние. Так возникает технократия. Технократическая система – всегда в потенциале общества, поскольку такова природа технологического развития, в отличие, например, от самокорректирующегося развития экологической системы. Технократическое общество получает простор в современном ненаправленном обществе, освобожденном от политического тоталитаризма. В «освободившееся место» и устремляется технологический тоталитаризм в виде технологического развития, на которое трудно повлиять, которое осуществляется так, как оно осуществляется, при этом реально меняя общество на структурном, институциональном уровне.

Проблема в том, пишет автор в заключение, что естественный в обществе технологический тоталитаризм создает внутреннее напряжение – между обществом как технологической системой и обществом как экологической системой. Наш сегодняшний «дивный новый мир» вполне эту проблему демонстрирует – просто потому, что ушло время политического тоталитаризма. Парадокс и оптимизм в том, однако, что, возможно, напряжение между технологической системой и экосистемой вовсе и не проблема, а некое фундаментальное условие существования социума в общей экологической системности планеты.

А.А. Али-заде